

Денис СОРОКОТЯГИН

Денис Сорокотягин родился в 1993 году в Екатеринбурге, окончил Свердловский мужской хоровой колледж (пианист) и Екатеринбургский государственный театральный институт. Актер театра и кино, режиссер, драматург, художественный руководитель «DAS-театра», педагог по актерскому мастерству и вокалу, автор учебных пособий для детских музыкальных школ. Актер Театра музыки и поэзии Елены Камбуровой. Живет и работает в Москве. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Сибирские огни», «Нева», «Русский пионер», портале «Полутона».

РАССКАЗЫ

Архивные папки

И.С.

Когда не знаешь, как начать писать, говорить, берёшь чужие слова. Вот и сейчас я беру чужое, твое, тобой написанное-переписанное с моих слов обо мне. Для кого ты писал-собирал это все? Для пустоты твоей и моей.

Четыре архивные папки, присланные мне из Екатеринбурга, разбухшие-опухшие, как глаза после долгого плача. Четыре папки-глазка, четыре смотрящих за мной, на меня сегодняшнего, на чужака, чудака.

Нет, это не сверка – того, что было – с тем, что есть. Это разговор с мертвыми как с живыми.

Мёртвый дед-ты ведёт архив своего внука-меня, фиксирует телеграфным, скудным образом (перьевой ручкой) внуковы-мои взлёты, падения, выжимает жизнь домосковского и внутристоличного периода в несколько точных, острых строчек. Здесь же – подборка дипломов, благодарственных писем учителей, олимпиадных сертификатов. Раздутые первыми успехами папки. Что этот успех значит сейчас?

Что значит сейчас афиша моего первого концерта, напечатанная дома на принтере, наклеенная на подъезд моего дома, в подвале которого был концерт. «Ты начинал с подвала, а теперь вот где ты». Где?

Оборотка афиши в осколках подъездной краски, смешанной с клеем ПВА. Я это помню сам. Это не архивные папки, это ящики моей памяти. Концерт был 1-го мая, весенний, оттепельный концерт, последний рывок перед окончанием учебного года, когда уже можно петь, а не только учиться в поте лица. И вот 1-го выпадает снег. Плотный, нестерпимо белый, падающий прямо в кадр дедовского-твоего фотоаппарата. В кадре я – без шапки, уже весенняя курточка нараспашку намокла от непрошеного снега. Снег – это смерть. Он-она падает на нас и думает, что мы поверим в отмену весны и жизни. Никогда.

Тебя хоронили в мороз под тридцатник. Все шло к тому, что похороны перенесут, земля никак не давалась. Но каким-то образом все, что должно было поддаться – поддалось. Все случилось в срок. Это не ящик памяти, это все с чужих слов. Я узнаю обо всем от других. Я не увижу этого снега, не почувствую холода, не возьму в ладонь мерзлую землю. Поэтому я имею право не верить. Ни словам, ни своим глазам, которые ничего не видели, не плакали, не разбухали от скорби, как архивные папки.

– Зачем ты их собираешь? – спрашивал тебя. Я злился, каким-то образом умудрялся ревновать к самому себе. Ты отвечал: «Потом поймёшь». Знаешь, это стимул жить, жить и когда-нибудь прийти к этому «потом». Оно настанет только тогда, когда я сам начну собирать архивные папки. Нет, не свои. Другого-другой. День ото дня спрессовывать любовь, дарить ей бессмертие, ведь любовь – она есть, она здесь, а раз она есть, то ее рано или поздно не будет, это случится, неминуемо, в один день. Поэтому нам-мне нужно вещественное подтверждение, подшивка любви. А смерти нет. Она с нами не случится, не совокупится, я это понял благодаря архивным папкам. Ты, собирая все-мое в одном месте, и подарил мне бессмертие. Бессмертие незнания. Ты не видел ни одного моего спектакля в Москве, не видел, а только представлял, верил моим-чужим словам – и значит не знал.

Не знаю, но люблю все, что с тобой-мною связано. Это великий дар, данный нам двоим. Любовь на расстоянии незнания. Я люблю тебя и не знаю, где ты, но я люблю то место и тех, кто там с тобой рядом. У меня нет выбора.

Мне не хочется цитировать твои-мои записи из архивных папок (4). Я перечел каждую по два раза. Первый раз – это неузнавание никого-ничего-себя, второй раз – припоминание, веревки на папках завязываются крепко-накрепко, и дело делается само, во сне, в остановках внутри дня, в зависании, обрыве мысли, память делает своё дело, вершит свой суд над тобой-мною. И ты должен ответить за того парня – сегодня. А воды утекло немало, но ничего не изменилось, не поменялось коренным образом, как бы мне-нам не казалось. Разрослось, облепилось лишним, но остов ещё прослеживается, корень крепок. Архивные папки – корень всех радостей, бед и проблем. Отламываю один отросток-отрывок, отрываю его от сердца, отдаю в руки тексту, приживется ли он в новой среде-земле? Или будет испытывать сиротство и сделает все, чтобы не жить-не быть?

1 апреля 2004 г.

Дениска поехал с хором в Казахстан. Это его первая поездка без родителей, дедушки и бабушки. Собирали долго, нагрузили прилично. Возмущался, но бабуля была неумолима. Сумку с трудом втащили в вагон. Ехало тридцать человек. Руководили П. и С.

Поместили в гостиницу без телевизора. Дали концерт в Кокчетаве и Петропавловске. Ходили на экскурсию. Концерт был посвящён памяти композитора Баха. Встречались с местными школьниками (не понравились).

Купил мне тюбетейку «как аксакалу», себе цепочку с черепашкой.

Устал. Достали киргизы, казахи в поезде.

Приехал, рассказал и в школу

2004 год. Мне шёл одиннадцатый год. Гостиница в Кокчетаве. Двухместный номер. Кровать у окна. Сквозит. Раннее утро. Мой сосед (не помню, кто это был. Вася, ты?) ещё спит. Я лежу на кровати и слышу пение птиц. Так птицы поют только в самом начале весны. Громко, инородно, перекикая друг друга. Этот звук здесь-там лишний. Я сам себе кажусь лишним. Тоскую по дому. Высокая степень оторванности и сиротства. Я позвоню домой и скажу, что нестерпимо скучаю, до рези в животе, до несглатываемого кома в горле. Я позвоню, полумёртвый от разлуки, в другую страну, где пока все ещё живы. И ещё долго будут жить. Смерти нет – я пойму это гораздо позже, когда научусь говорить с мертвыми как с живыми. Когда развяжу узел и открою(сь).

Обидно за киргизов и казахов. Но они всю ночь пили, говорили на чужом языке, а потом шатались по вагону.

А я приехал, рассказал и в школу.

Вот что сейчас важно.

Бродячая Гета

Я вышел из книжного магазина «Москва»

Купил «Мою жизнь» Коровина и

«Категории композиции. Категории цвета» Кочергина

Вышел, выдохнул, что детекторы на входе не запиликали

Мне всегда кажется, что я вынес из «Москвы» больше, чем сейчас в моем пакете

Выбросил в урну чек – подтверждение, что не вор

– Молодой человек, вы знаете, я ходила в садик вот здесь, через дорогу, в Гнездниковском. Мне девяносто один год, представляете? Я коренная москвичка в третьем поколении. Мама – девятнадцатый ребёнок в семье, папа – польских кровей. Оба были безумно красивые. А в садике площадки не было, и где гулять, спрашивается, вот мы, детьми, с воспитательницей и нянечкой поднимались на лифте и гуляли на крыше. Я, вообще, шла в «Елисеевский» и не знала, что его закрыли. Ужас. Это ведь не магазин, а музей! А когда война началась, мне было десять. Я была в то время в лагере в Тарасовке. Знаете, там уже заранее подготовили такие рвы, в которых мы укрывались, когда бомбили. Потом нас всех собрали в грузовой машине, поставили рядами лавки, и мы поехали через всю Москву. Без родителей, сами. Привезли на Речной вокзал, посадили на паром, в самый трюм, представляете? Ехали шесть дней в этом самом трюме, причалили к станции... до сих пор помню название села – Великий Враг. Я сначала думала, что какая-то буква недописана, а потом поняла, что это такое название. От этого Врага мы ещё шесть километров пешком. Наконец добрались до интерната. Нас подселили в избы. Мальчиков, девочек отдельно. Ходили в туалет туда, где раньше пасся скот. Вот так. А потом мой отец – поляк – приехал за мной. Он был рядом в командировке. Приехал и забрал меня. Мать заставила его меня забрать, так как ей с ребёнком в военное время можно было не работать, ну и так далее, легче с ребёнком, со мной, то есть. Потом мама и отец развелись, и у мамы появился дядя Яша – еврей – как я его любила! Он меня водил в кафе гостиницы «Националь». Был весёлый такой, приветливый. А мама меня била часто. И все время шептала: «поляк мой, поляк». Не могла забыть папу. Знаете, мой муж строил Останкинскую башню. У него орден Ленина за это дело. Я сейчас этот орден на себе ношу. Вот он. Когда советская власть начала терять позиции, а муж уже к тому времени умер, давно я уже без него, и я поняла, что этот орден – просто игрушка, побрякушка. Куда его теперь? И я его продала, и на эти деньги выручила себе дубленку. Вот и говорю, что теперь его орден на себе ношу. Как же хорошо мы сейчас встретились и разговорились с вами. Этот разговор ни к чему не обязывает, правда? Я вот так вот и шляюсь вечерами. Я – бродячая старуха. Ха. Утром голова плохо работает, днём тоже не очень. Мозги не сразу включаются, все-таки возраст, но к вечеру – как смазанный мотор, клянусь. Вируса не боюсь. Я ведь советская. Значит отличная. Отличная от всех остальных. Всю жизнь со спортом, волейболистка. У меня был лучший бросок, вот так – и туда. А работала бухгалтером. Не помню даже, что закончила. Вроде техникум какой-то. Мать меня сразу отправила на работу, и я устроилась учетчицей в радиоинститут. Я сейчас по Тверской до Библиотеки Ленина, и там на автобус до Медведково. Пошляюсь ещё чуть-чуть. Так хорошо знать, что придёшь к себе домой после прогулки – и никому ничего не должен. Никому.

– А как вас зовут? – спрашиваю. Поймал паузу и сам не понял, как это получилось.

– Генриетта Адамовна. Мама звала – Геткой, подружки – Геркой.

– А меня зовут Денис. Я родом с Урала.
– О, у вас другое, Денис. Другое. – показывает в область сердца. – Я садик искала, искала, не нашла. Но он в Гнезниковском, вот здесь. И на крыше гуляли. На лифте – и туда. Это был 35 год. С ума сойти.

Перевожу взгляд на крышу.
Сегодня пошёл первый снег.
Перевожу взгляд на Гетку-Герку-Генриетту
Ее нет

Решил
Если доживу до этих самых лет
Тоже буду шляться
Буду бродячим стариком
Искать места молодости
Останавливать эту самую молодость
лучше, конечно, читающую, но как уж будет
И говорить, говорить, не давая молодости вставить и словечка
Пусть молодость слушает
А старость говорит
И шляется вечером по Москве